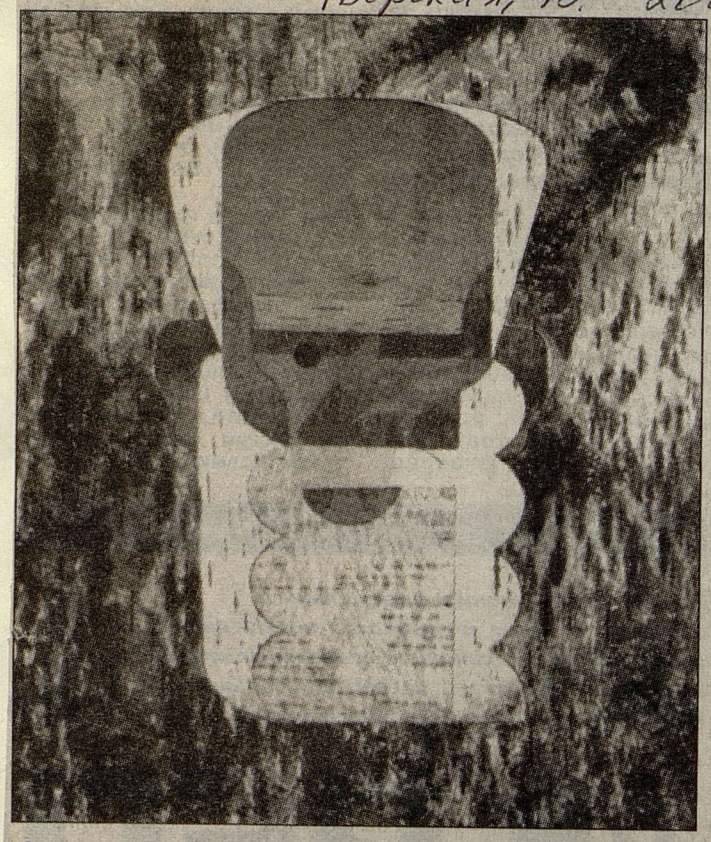
Куприячев Борис Флорович 14.10.04

АВТОПОРТРЕТ ИЗ БЕРЕСТЫ

Тверская, 13. – 2004. – 14 окт. – с.9



Фраза про то, что лучше один раз увидеть, чем сто - услышать, стала привычной нашему слуху настолько, что мы нередко разбрасываемся ею по поводу и без повода. При этом абсолютно не задумываясь над тем, что говорим... Однако, увидев работы Бориса Флоровича Куприянова, мне пришлось задуматься по-настоящему. Я понял, что никогда не смогу рассказать (просто не найду подходящих слов) лучше, чем сделал этот человек своими руками. И никто не расскажет. Это нужно видеть.

О его творчестве я впервые услышал в 1996 году, когда в городе на Неве учился в академии. Картины Куприянова, находившиеся в частной коллекции одного из новорусских господ, буквально приворожили мой взгляд. И дело было не в тонкости и схожести их сюжетов с действительностью, а в способе изготовления картин. Они были сделаны из бересты. Позднее я узнал, что подобной техникой маркетри (инкрустация по дереву из мелких кусочков дерева и других материалов) владеют в России только три (!) человека. И один из них - Борис Куприянов, который в этом году отметил свое 70-летие.

Я не сомневался, что пути такого человека никак не могли пройти мимо Москвы, и решил во что бы то ни стало повидаться с мастером. В Министерстве культуры подтвердили, что Борис Флорович действительно уникальный специалист. Его картины участвовали во многих экспозициях совместно с другими мастерами не только в России, но и за рубежом. А прошедшая 10 лет назад персональная выставка в Японии произвела настоящий фурор... Но в последние годы он почему-то перестал баловать своим посещением столицу и со своими работами, и без них. А живет нынче на хуторе Копанском в Краснодарском крае.

Найти семью Куприяновых в Копанском, население которого едва дотягивает до 500 человек, оказалось совершенно не сложно. Борис Флорович, вышедший мне навстречу, выглядел, как самый настоящий старичок-лесовичок. Словно из сказки. Разворошенная от многих лет жизни голова, хмурые нависающие козырьком брови и белая, словно ватная борода.

- Только не надо меня фотографировать, - замахал он руками, увидев нацеленную на него цифровую «мыльницу», - я этого не люблю. Я вам лучше свой автопортрет подарю. - И подарил-таки, сделанный из бересты.

Мы быстро нашли общий язык, но, войдя вслед за хозяином в двухэтажный дом, я на некоторое время его буквально проглотил. Вся мебель с инкрустацией, резьбой, витражами; огромное количество картин; туески и туесочки; двери всех шкафов украшены фигурами людей или зверей; в гостиной тяжелые и одновременно изящные стулья с высокими резными спинками и своеобразным орнаментом; светильники - и те были из бересты.

- И все это вашими руками? - не удержался я и тут же понял, насколько неуместен мой вопрос. - Простите, а насколько долговечно все это?

- Известные новгородские берестяные грамоты пролежали в земле почти тысячу лет и практически остались без изменений. Я всегда боюсь этого слова, но изделия из бересты - вечны. Ведь кора берется только с упавших, давно высохших берез...

Когда Борис Флорович жил в Сибири, он исходил не одну сотню километров по тайге в поисках нужного материала. Японцы, узнав об этом, были поражены. Сначала они пришли в восторг от увиденного, а услышав, что за всем этим русский мастер вынужден ходить пешком... В знак уважения они подарили ему джип, который бегает до сих пор. Несколько картин «ушли» там же за тысячи долларов каждая; какие-то работы Куприянов просто подарил.

- Я же не жлоб какой-то, людям настолько искренне все понравилось. Они организовали мою выставку в девяти городах - большей благодарности в жизни к своим работам я никогда не испытывал.

- А как в России?

- Для всех, кто видел мои работы, эффект практически одинаков: люди поражены. Но у нас, чтобы организовать персональную выездную выставку, очень много средств нужно плюс целая куча оргвопросов различных. Лет десять назад я еще пытался проявлять какую-то инициативу; ко мне обращались и союз художников, и Министерство культуры. Где-то организовывались какие-то выставки, показы. Сейчас я уже стар для таких затей, и единственное, на что меня хватает - это на работу.

Борис Флорович признался, что уже несколько лет вынашивает мысль подарить всю свою коллекцию какому-нибудь городу, министерству или крупной организации. Только не знает, как это правильно сделать. Потому что есть у него одно маленькое условие: себя с женой он предлагает в качестве «нагрузки» к своим работам, чтобы не остаться в пустом доме на далеком хуторе. Чтобы было где дожить свой век, а заодно и работать. И силы еще есть, и умение. Но нет уверенности, что все это кем-то будет востребовано.

Виктор СИРЫК

307